

Сергей Стишов: Мы сейчас не науку делаем, а индексы зарабатываем

29 мая проходит третья сессия Всероссийской конференции научных работников. На повестке дня – проводимые реформы, которые могут оказаться для отечественной науки фатальными. Накануне этого события мы поговорили с одним из организаторов конференции – директором Института физики высоких давлений академиком Сергеем Михайловичем Стишовым.

В свои семьдесят семь Сергей Михайлович – один из ведущих отечественных физиков-экспериментаторов, чьи научные показатели соответствуют высоким современным требованиям.

В интервью «Правмиру» он рассказал об опыте работы в СССР и США, о том, как на самом деле устроены и финансируются научные системы разных стран, о проблемах Академии – прошлых и настоящих, и о перспективах отечественной науки.

Как на самом деле финансируется западная наука

Прежде всего, нужно сказать: представление о том, что наука на Западе делается в университетах, – неправильное. Система научных центров типа академий наук существует во Франции, там есть Национальный центр научных исследований Франции (CNRS). В Германии есть Общество Макса Планка, Общество Гельмгольца, общество Фраунгофера и Общество Лейбница, и прочие. И объединяют они институты, а не университеты. Система университетов на Западе развивается сама по себе, а наука делается и там, и там.

Сотрудники западных научных институтов могут параллельно с работой преподавать в университете – так же, как и мы. Могут преподавать, а могут – и нет.

Представление о привязке науки к университетам зиждется, в основном, на английской и американской традиции. Но тут тоже не вполне правильно. Потому что в Америке существуют, во-первых, национальные лаборатории, которых очень много. Это мощнейшие организации по многу тысяч человек. Сам я много лет сотрудничал с лабораторией в Лос-Аламосе, мои друзья в Америке работают в других подобных местах.

Там, по-моему, около двадцати национальных лабораторий, которые практически не связаны с университетами. Эта система сформирована во времена Манхэттенского проекта для проведения исследований, связанных с созданием атомной бомбы, и соответственно финансируется государством.

Однако помимо военно-ориентированных, там много и других исследований. Но финансирование несколько разное. По крайней мере, в Лос-Аламосе, делается так: там, где непосредственно государственный заказ, связанный с военными приложениями, исследователи, так сказать, горя не знают.

Вторая категория – так называемые мегаустановки – ускорители, источники нейтронов разного типа и так далее. Это так называемые user facilities. Эта система рассчитана на то, что ученые подают заявки и получают по конкурсу время для работы. Это считается национальной приоритетной задачей. И те люди, которые обслуживают всю эту систему, тоже сидят, грубо говоря, на зарплате. В том смысле, что государство их кормит и дает им деньги, чтобы они поддерживали всю эту машину в рабочем состоянии.

Третья категория людей в этих лабораториях – те, которые ведут свободный поиск. Для них существует система внутреннего конкурса. Ежели они не выигрывают грант, чтобы получить зарплату, изволь записаться к кому-то, кто грант выиграл. Причем в ведомости нужно написать, откуда ты получаешь деньги. И иногда можно видеть, что человек получает деньги, скажем, из пяти источников, из пяти каких-то грантов. Особенно теоретики – они могут кому-то тут посчитать, там посчитать.

А если человек сам не выиграл грант и никто его никуда не включил, то есть его skill – его умение как физика, химика, ботаника, неважно кого, – никому не нужно, – тогда иди и ищи себе чего-нибудь в другом месте.

Итак, в США есть национальные лаборатории, есть фирменные лаборатории, их тоже достаточно много, где мощная наука и люди получают Нобелевские премии, есть университеты.

Кстати, работа в национальных лабораториях на Западе не очень престижна, потому что там сильна

бюрократия. Когда я работал в Лос-Аламосе, то говорил им: «У вас система на восточногерманский коммунизм больше похожа». Потому что надо выполнять всё четко по расписанию. У нас можно было иногда отклониться от генеральной линии, а там – нет, нельзя.

Так что, на Западе у науки много источников, и практически каждый может найти себе место.

У нас западная система не может работать в силу следующего обстоятельства: если там, допустим, я где-то работаю и оказался не нужен, – ну, хорошо, я поехал в Оклахому, попросился работать. Мне там дали какую-то работу, я получаю зарплату, могу себе, по крайней мере, арендовать квартиру или дом... А здесь? Если я никому не нужен, куда я пойду? Куда я могу переехать? В Саратов? Кому я нужен в Саратове? Где я возьму деньги, чтобы арендовать жилье?

Нужно еще заметить, что у нас в науке имеется некоторое количество людей, которые еще с советских времен ничего не делают или делают очень мало. А что с ними можно сделать? Выгнать их? Они умрут, потому что – ну куда они денутся? Понимаете, это переходное время, тут очень трудно что-либо предпринять...

Откуда в Академии наук брались люди, которые ничего не делали?

В советское время было и престижно, и выгодно идти работать в научные институты – и зарплата повыше, и режим относительно свободный – не такой, как на заводе.

Других вариантов просто не было. Бизнеса не было. Ну, можно было пойти завхозом куда-то, в коммунальную службу, в исполком; кто мог, двигался по партийной линии. Возможности были ограничены. То есть часто в науку шли люди, в принципе, безо всякой мотивации к научной деятельности. И как-то там работали.

А вот когда всё рухнуло, и когда мы все стали получать копейки, тогда эти люди начали говорить: «Я не буду работать за такие деньги». Я тогда крайне удивился: как же так, что ж, у человека нет внутренней мотивации? Если ты хочешь что-то познать, чего-то ты хочешь сделать, причем тут зарплата?

Причём я бы еще понимал, что люди не хотят заниматься наукой в данный момент, поскольку им нужно зарабатывать на хлеб; что они нашли какую-то другую работу, где-то подрабатывают, стараются. Оказалось: есть довольно большое количество людей, которые просто ничего не делают. Приходят на работу, пьют там чай, поговорят, уходят домой.

До перестройки и обнищания был в какой-то степени командный дух, были группы, все работали, не работать было неудобно. Хотя, если честно, советская наука всегда была избыточна.

Когда я окончил университет и аспирантуру, институты были переполнены людьми, личного стола поставить негде, и вообще была такая драка за площади. Люди хотели работать. Ставили новые задачи, под них выбивались ставки, всё это росло.

Хотя способом, условно говоря, «остаться в Москве» наука не была. Если человек представлял интерес и был талантлив, его пытались оставить. Однако надо было где-то жить, а получить московскую прописку было безумно тяжело. И если за душой не было ничего, кроме стремления остаться в Москве, женились на москвичках. Таких тоже было много.

Сейчас приток новых людей в науку очень мал. Многие уехали, и много умерло. У меня в институте молодых мало, но это в Троицке. Туда надо доехать, жить там негде – тяжело. Так что вакансий много – я могу брать сколько угодно людей. И аппаратура есть...

Что такое Академия наук?

Как раньше была устроена Академия? Есть научные институты. Управляются они отделениями – физика, астрономия, биология, химия, филология, история и так далее. В отделениях сидит аппарат – академик-секретарь, члены бюро. И они реально командуют повседневной жизнью.

Затем, есть Президиум академии, который фактически руководит всей оперативной и стратегической работой. Есть президент, вице-президенты и свой аппарат – плановый отдел, бухгалтерия, первый отдел, второй и всё прочее.

Существует мнение, что академики ничего не делают и получают деньги напрасно. Но в академики люди выбираются за заслуги. Во всем мире где-то выбирают академиков. Другой вопрос, всюду ли платят им деньги. У нас платят. Это, как говорится, давняя традиция. В свое время, Пётр Первый платил членам академии, потому что это был единственный способ их выживания.

Да, академик – это звание. Но одновременно он может быть и научным сотрудником, и это не возбраняется. Вот я – академик. И что? Я работаю каждый день. Вдвоём с коллегой мы производим в год где-то две статьи. Чужих статей я не подписываю.

У всех это по-разному, но большинство академиков работают. И говорить о том, что они ничего не делают – неверно. Это просто массовое обывательское сознание.

Понимаете, вопрос очень сложный. Вот я помню 90-е годы, люди в Академии жаловались, как тяжело жить. А с другой стороны, говорили: «А директора институтов жируют». А я тогда слушал и думал: «Я директор. Как же я жирую-то?»

И теперь – то же самое. Ну что, выходить, рубашку рвать на себе и говорить, что «да, я вот хороший, хоть и академик? Извините меня, пожалуйста».

Я могу сказать, что большинство академиков – работающие люди. И избраны не случайно. Конечно, есть какой-то процент, кто был избран не по заслугам. Ну, всегда есть проблемы.

Может быть, я сужу необъективно, поскольку сам принадлежу к этому, так сказать, клану. Но мне кажется, что большинство людей работает. Возможно, производительность как-то и упала, но они преподают, они создают какой-то климат, являются моральным научным авторитетом. Они создают соответствующую атмосферу.

Поэтому огульно осуждать академиков было бы напрасно. И потом Академия – это, как сейчас принято говорить, социальный лифт для ученых. Это признание коллег, и получить его не так просто.

Допустим, в нашем отделении для того, чтобы избраться в академики, надо получить приблизительно тридцать пять голосов из пятидесяти. Причем в конкуренции.

По указке ли ЦК создавалась наука?

Формирование научных планов всегда было самостоятельным творческим процессом. И многое в этих планах, которые спускались якобы государством, на самом деле было инспирировано самими же учеными. Потому что, какой чиновник мог сам что-то придумать?

То есть сначала рождалась идея. Например, создание сверхмощного лазера. Потом в нужные инстанции подавались записки. Потом комитет по науке и технике формулировал заказ. Просто так в планах ничего не рождалось.

Знаменитый анекдот о том, что занятие наукой – это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет, справедлив абсолютно. Это, безусловно, так.

Но, понимаете, в чем дело? Всё-таки наука – это элемент культуры, очень мощный элемент, один из самых главных. Поэтому, если мы хотим, чтобы у нас было культурное государство, то нужно иметь науку. Если не будет науки, то постепенно начнётся одичание. Мы и сейчас уже видим, что происходит: гадания какие-то, еще что-то.

Поэтому, говоря высокопарно, всё наше стремление познать природу находится в соответствии с задачей государства как такового, чтобы быть технологически и культурно развитым. То есть я бы сказал, всё это не противоречит государственным интересам, а наоборот.

Возможен ли в науке сторонний менеджмент?

Одно из самых опасных сейчас предложений со стороны Министерства науки – давайте будем финансировать науку на конкурсной основе. То есть люди будут получать базовые копейки какие-то, остальное должны зарабатывать в жестокой борьбе друг с другом. Да, на Западе – та же конкурсная система, но не совсем и не так.

Был такой писатель Новиков-Прибой, он когда-то плавал на корабле, и описал, как избавляются от крыс. Оказывается, есть такой способ: ловится, не знаю, пятьдесят крыс, сажаются в какое-то закрытое пространство, и с течением времени один крыс всех там перегрызает. Потом это можно повторить. И, наконец, остается один самый сильный крыс, который перегрыз всех. Вот одного этого крыса можно держать на корабле, он грызёт всех, кто проникает по канатам. Вот такую систему хотят устроить в науке.

Но вопрос в том, насколько это правильно. В обращении клуба учёных «1 июля» к Председателю правительства написано довольно образно: если мы действительно устроим такую систему, и у нас останется вместо пятидесяти работников пяток гениев, то они, как головешки разбросанного костра, потухнут. Потому что нужна среда, нужны разные ученые. Без среды и гении перестанут быть гениями. Такая вот вещь.

А что касается менеджеров, как можно быть менеджером в науке, если ты сам ничего в ней не смыслишь? Мне трудно это себе представить. Бухгалтер – да, будет считать: «Сорок и сорок равно рубль сорок». В общем, больше он ничего не может. А сторонний менеджер – откуда он знает, что надо оплачивать, а что не надо? Ну, вот придите ко мне в институт и скажите, что надо делать.

По моему опыту в Лос-Аламосе, менеджеры там есть, но они из ученых. Другой вопрос, что там ситуация такая: ежели человек попадает в менеджеры с более высокой зарплатой, у него очень мало времени остается на науку, если он даже хочет продолжать ею заниматься. Потому что там происходят непрерывные заседания. Такая псевдодемократия.

Даже если речь идёт о лабораториях на производстве, это вопрос сложный. Потому что в свое время была такая лаборатория фирмы «Белл». Там, кстати, Джон Бардин работал, дважды лауреат Нобелевской премии, и много выдающихся людей. Это была богатая лаборатория, и люди там занимались, кто чем может, никаких ограничений у них не было.

Правда, не так давно они такую широкую лабораторию закрыли и стали ставить более прикладные задачи. У меня опыта с фирменными лабораториями особенно не было. Но я знаю, что было так, а потом не стало, потому что, очевидно, тяжелей стало жить.

А когда была возможность, фирмы содержали некоторое количество свободных фантазёров. Причём содержали-содержали, и, в итоге, Бардин придумал полупроводниковый транзистор и за это Нобелевскую премию получил. И оттуда пошла вся наша современная электроника.

И это было невозможно запланировать: сделай мне вот это. Я думаю, это была инициативная работа, что называется.

В чём заключается реформа науки?

Когда начиналась реформа, нам говорили: для того, чтоб мы лучше работали, нас нужно освободить от всевозможных хозяйственных забот. Раньше учёные сами этим занимались, а теперь мы сделаем ФАНО, они будут заниматься хозяйственной деятельностью, а учёные – только почивать на лаврах и писать статьи.

Более того, как раз перед этими решениями Думы, была развязана кампания, в основном, клеветническая, о том, что мы чуть ли не всё разворовали. Но, понимаете, это же невозможно.

Я не знаю, что за история была там с кораблями института Океанографии, но вот насчет аренды, мы сдаем некоторые площади. Там невозможно ничего сделать, потому что по всем регионам есть нормы, по которым мы и сдаем площади. И есть несколько организаций, которые нас контролируют.

Зато за счёт арендных денег можно ликвидировать дефицит по зарплате. И потом, сколько в институте расходов? Сейчас вокруг каждого института наше любимое правительство расплодило множество организаций, которым надо платить. Причем делать это обязательно.

Скажем, уборка мусора – изволь только вот с этой фирмой. Сантехнический паспорт – изволь тоже только вот с этой фирмой, заключай с ней договора и плати. И за это плати, и за то.

Нас попрекали, что в Академии есть неучтенное имущество. На самом деле, это полное вранье,

потому что реестр имущества был в Академии всегда, всё было известно. Голодец тогда выступала, говорила, что не учтено 50%. Вопрос: как она узнала, что 50%, ежели оно не учтено?

Другое дело, нужно было это оформлять, провести геодезические работы, всё промерить. А Бюро технической инвентаризации заламывает безумные цены за то, чтобы промерить какую-то там ржавую трубу.

Сейчас на самом деле Президиум уже не управляет институтами. Остались академики, остались отделения. Но это скорее по привычке: мы собираемся иногда на бюро, обсуждаем какие-то дела, но реально мы уже не управляем институтами.

Развалилась эта система, точнее, её развалили. Поэтому сейчас с нами ФАНО. Там, я не знаю, пара финансистов, бухгалтеры возглавляют все академические институты. Ну, что они могут? У них действительно нет внутреннего стимула, нет интереса к науке. Они карьерные молодые ребята...

Вот сейчас Миннауки готовит нам опять всякие реструктуризации, конкурсное финансирование, еще чего-то. И за институты некому вступить, потому что в том же ФАНО им это совершенно неинтересно. Это карьерные люди, которые сегодня здесь, а завтра там. Они с наукой никак не связаны. Сегодня они сидят в ФАНО, завтра будут заведовать цементным производством.

Вот это менеджеры. Но дело в том, что они же хотят руководить наукой. Я уж не говорю о том, что примерно с прошлого Нового года нас просто завалили бумагами. Присылают запросы, на которые надо ответить вчера или не позже, чем через час. С ужасом приходишь на работу.

Каждому институту назначен куратор. У меня куратором милая девушка Лена, сама из Института астрономии, – в общем, на повышение пошла. Очень симпатичная, но она ничего не решает. Она пересылает бумаги, которые получает откуда-то еще. Обычно она это делает по ночам, и рано утром я от нее получаю букет: отчеты, планы, предложения, соображения.

И мы же госзадания теперь пишем. Более того, мы сейчас себе пишем госзадание, что в 2017 году, например, я должен написать в первом квартале одну статью, во втором квартале – две, и так далее. То есть я должен уже знать, сколько статей я рожу в 17-м году, если не сдохну, к примеру.

Пока, в основном, эта нагрузка на дирекцию. Поэтому для научного сотрудника это пока не критично. Критично будет тогда, когда введут борьбу друг с другом за финансирование. Денег-то не прибавляется.

Мы не науку делаем – мы индексы цитирования повышаем

Ситуация с изданием научных трудов в точных науках заключается в следующем. Существует достаточно много журналов, издающихся здесь, в России. Но всем нужны индексы цитирования, все выучили, что такое индекс Хирша, импакт-фактор журнала и так далее.

Поэтому сейчас, по крайней мере, в физике принято публиковаться по возможности за границей – оттуда идет цитирование и, поскольку индекс цитирования издается американцами, англоязычные статьи всё-таки цитируются чаще, чем русскоязычные.

Хотя их и переводят, но сейчас столько статей, что всего не прочтешь. Поэтому вы можете публиковаться здесь. И, по-моему, если статья приличная – проблем нет. Либо вы публикуете в иностранных журналах. Но тут проблема в том, что этим надо заниматься.

Помимо того, что Вы написали статью, надо всё-таки написать её на приличном английском языке. А дальше идет реферирование, надо ответить на замечания рецензентов. На всё требуется время. Тем не менее, проблем с публикацией, в общем, нет.

В свое время не было особенно принято публиковаться за границей, публиковались здесь, и был такой наш мир. И переводили наши журналы, и там читали, и, в общем, не было особых проблем.

Помню, в первый приезд в Америку, в Ливерморской лаборатории, ко мне приходили люди с

ксероксами моей статьи в «Успехах физических наук», с просьбой дать автограф. Тогда это было как-то в диковинку.

То есть наши собственные научные журналы, известные на Западе, были – переведенные там. Сейчас у нас делают какую-то систему учета, и свой индекс мы какой-то вводим. Я вообще очень кисло отношусь ко всем этим индексам...

Но, опять же, некоторые наши ученые, вдруг обнаружив, что у них по какой-то причине сильно вырос индекс цитирования, начали эту идею развивать. В свое время они научили Министерство науки, и теперь от нас всех требуются эти индексы. Значит, то мы говорим о том, что нужно развивать российскую науку, российские журналы. А с другой стороны, если нам нужны индексы, надо публиковаться на английском.

Проблема вся в том, что сейчас, на самом деле, мы уже не науку делаем, а мы индексы зарабатываем. Особенно это научились делать индусы, китайцы. Нам президент тоже поставил задачу (не сам, конечно, придумал), чтобы мы достигли 2,5% мировых публикаций, а мы в этом году имеем всего 1,5%. Не выполнили указание Путина.

Так что, количество публикаций нам сейчас нужно, и цитирование. Неважно, что из этого следует, это становится вопросом национального престижа. Правда, у нас все эти «Протоны» падают, но зато...

Проблемы Академии: гар, жильё и аспирантура

Сейчас ни для кого, наверно, не секрет, что относительно молодые и активные люди, вообще-то, уехали. У нас сейчас, что называется, гар: сорокапяти-, пятидесяти-, пятидесятипятилетних – нет, их вымыло, они все где-то там. Начальники почему-то этого не понимают и требуют, чтобы мы поменяли всех директоров: всех старых надо снимать и выбрать новых. Ну, а где их брать-то? Откуда, из какой среды? Непонятно.

А что касается новых людей, то главная проблема – это, во-первых, качество нынешнего образования. Это одна из главных проблем, потому что народ перестал учиться.

Даже в таких престижных вузах типа физтеха, куда приезжают вроде бы талантливые люди. Якобы они где-то в школах отличались на олимпиадах и прочее, а тут начинают работать в каких-то фирмах, зарабатывать деньги. Сейчас много соблазнов, на самом деле, и соблазнов доступных.

Во-вторых, что касается, скажем, моего института в Троицке, а куда я их дену? Если брать сотрудников, нужно их куда-то поселить. А куда?

Когда-то было постановление: Медведев в свое время выделил какое-то количество квартир для молодых, чтоб построить. Но вот мы пытаемся в Троицке построить дом для молодых ученых. Это совершенно невозможно сделать, дикие бюрократические препоны.

Мы начинали это делать, когда были еще Московской областью, потом перешли в Москву, – а там свои нормы, технологические всякие штуки и техусловия; всё поменялось. И мы не можем пока ничего сделать, всё это тянется уже много лет. К сожалению, ФАНО в этом деле нам не помогает. Мы пытались у них попросить что-то сделать, я был на приемах у какого-то зама...

Если раньше у меня были проблемы, я шёл в Академию, в отделение. Не решали –к вице-президенту. Сейчас я, вообще-то, не знаю, куда идти.

Как-то я попросил позвонить Котюкову, договориться о встрече. Мне объяснили, что надо написать обоснование – письмо. Такое письмо было написано. Потом оно было утеряно. И я понимаю, почему, – потому что на попечении ФАНО тысяча организаций. Может, и не утеряно, но найти было трудно.

Затем поехал человек уже с новым письмом, договорились: хорошо, Котюков примет по поводу строительства. Назначили дату приёма, потом её несколько раз переносили. Потом оказалось: нет, с Котюковым встретиться уже не удастся, он очень занят, вот с заместителем.

Поговорили с заместителем. Вроде всё было замечательно: всё поможем, всё сделаем. А потом через два дня пришло письмо – абсолютно бюрократическая отписка, что и то нельзя, и это нельзя, потому-то и потому-то. Ничего нельзя.

В итоге домом мы занимаемся до сих пор – бумаги какие-то и всё прочее.

С аспирантурами ситуация такая: не то, чтобы их закрыть, но надо получать лицензию и аккредитацию и большие деньги платить. А чтобы получить все это, там очень много всяких норм – чтоб столовая была, еще что-то. Но многие институты просто не потянут аспирантуру в соответствии с этими нормами, которые предлагает Министерство науки.

А, с другой стороны, аспирантура важна. Чтобы человек где-то защитился и пришёл работать со стороны – может быть, и такие вещи где-то и есть. Но у нас, например, наши студенты физтеховские, потом идут, естественно, к нам же в аспирантуру.

По-моему, это важно. Поскольку человек, если он воспитался в нашем институте, проникся духом, получил здесь навыки конкретной работы, его не надо переучивать, это просто хорошо. По-моему, это очевидные ответы.

Науку на Западе делают аспиранты

Кстати, одно замечание про аспирантов. На Западе система аспирантуры есть, это называется graduate students. Undergraduate – это нормальные студенты, а есть graduate students – это аспиранты, которые, скажем, в Америке лет пять работают в этом положении. Им надо уже платить зарплату. Соответственно, для этого профессор должен выиграть грант.

И именно градьюэйтс являются главной рабочей силой, главной лошадкой, которая всё тянет, делает всю науку. Профессор, условно говоря, читает лекции, гранты получает, а аспиранты

работают и руководят младшими студентами.

Если угодно, это такой аналог наших м.н.с. Но у них, может быть, больше мотивации. Потому что он идёт в аспирантуру, защищает работу, получает PhD – степень доктора философии, эквивалент нашей кандидатской. После чего идёт работать уже так называемым «постдоком».

За время, какое он проводит как «постдок», тоже надо выложиться, написать несколько хороших работ, после чего получить где-то постоянное место. Это еще, по крайней мере, лет пять.

То есть там после PhD степени нет, но эту степень надо получить обязательно, а потом ещё подтвердить свое право заниматься наукой. У нас можно мнс-ом просидеть всю жизнь и не защищаться, твое дело.

О перспективах Академии наук

Академию наук развалили, это обратно уже не вернешь, не склеишь. Единственное спасение – убрать этих управляющих-финансистов из ФАНО и сделать так, чтобы этим монстром управляли всё-таки ученые. То есть вернуться к системе самоуправления.

Я даже ничего плохого про этих финансистов сказать не могу. Они, наверно, хорошие ребята. Но им дали непосильную задачу – управлять наукой. Откуда? Как? Они пытаются, конечно, что-то сделать. Они дисциплинированные люди, люди системы. Вообще-то говоря, если бы они сказали: «Мы не в

состоянии это делать, освободите нас, пожалуйста», – нашлись бы другие. Там зарплата высокая, еще какие-то надежды.

Учёные должны и могут управлять наукой. Я же тоже управленец – директор института и еще председатель Троицкого научного центра. И занимаюсь наукой, нахожу время. На цели управления я трачу меньшую часть дня, если нет каких-то дурацких заседаний. В Москву, в Президиум я не езжу и никогда не ездил, в заседаниях не участвую. Это, как говорится, если есть желание, то можно сказать: я – там-сям, заседаю и прочее. Всё зависит от желания.

Нельзя сказать, что Президиум был идеален. Большинство членов Президиума были директорами институтов. Они, конечно, расхватывали какие-то ресурсы приоритетно себе, и прочее. Но, тем не менее, в целом они держали всю Академию на каком-то уровне.

Поползновения разогнать Академию были всегда. Говорили, что Академия не тем занимается: надо практические вещи делать – ветвистую пшеницу, а вы какую-то другую делаете или вообще никакой.

Я помню, райкомы всегда заседали, что нужно делать что-то практически. Обычный человек, даже партийный, не в состоянии понять, что это такое – какие-то кривые, какие-то формулы, зачем это всё. Надо вещь какую-то, пощупать – вот вещь сделана, неважно, хорошая она или плохая, нужна она или нет.

ФАНО – «современная» организация. Ей нужны индексы цитирования, количество публикаций. Руководители ФАНО не будут бороться за интересы институтов. Они будут выполнять указания высоких инстанций. Они, например, настаивают на бессмысленной реструктуризации (объединении) институтов. Президиум старой академии, возможно, отбил бы эту атаку, но ФАНО с этим согласно. В этом вся разница.

Так что я не являюсь оптимистом. Посмотрим.

Фото: Ефим Эрихман

Читайте также:

- [Реформа Российской академии наук: что будет дальше?](#)
- [Владимир Шульц: Нашу науку не надо спасать, ее надо в покое оставить](#)